

Карусель
САФОН

Карлос Луис
ЕДИФОН

**КЛАДБИЩЕ
ЗАБЫТЫХ КНИГ**

МАРИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
С21

Серия «Кладбище забытых книг»

Carlos Ruiz Zafón
MARINA

Перевод с испанского О. Светлаковой

Серийное оформление А. Фереца

Компьютерный дизайн Е. Петровой

Печатается с разрешения компании Dragonworks S.L.
и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

Сафон, Карлос Руис.

С21 Марина : [роман] / Карлос Руис Сафон ; [пер. с исп. О. Светлаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Кладбище забытых книг).

ISBN 978-5-17-084935-2

«Марина» — самый любимый, по собственному признанию Сафона, его роман.

Испания. Барселона. Весна. Один из дежурных на Французском вокзале узнает в толпе юношу, объявленного в розыск. Целую неделю его искали знакомые, друзья, преподаватели школы-интерната. Полиция сбилась с ног. Где он был все это время? Как провел эти дни?

«У каждого из нас есть секрет, тщательно запертый на все замки в самом темном углу на чердаке души» — так Оскар начинает свой рассказ о той странной волшебной ночи, когда судьба подарила ему встречу с Мариной.

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-084935-2

© Carlos Ruiz Zafón, 1999

© Dragonworks S.L., 2004

© Перевод. О. Светлакова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Предисловие автора к испанскому изданию

Дорогой мой друг, читатель!

Я убежден, что у каждого писателя, помимо его воли, среди его книг есть своего рода любимчики. Это тайное предпочтение не зависит ни от подлинных художественных достоинств книги, ни от того, как ее приняли критики и читатели, ни от прибыли (или, наоборот, финансовых лишений), которые ему это издание принесло. Есть таинственные причины, которые делают одни вымыслы ближе душе писателя, чем другие: что это за причины — он и сам не знает. С 1992 года, когда я начал заниматься этим странным делом — писать романы, я их написал немало, но ни один не любил так, как «Марину».

Написал я ее в Лос-Анджелесе между 96-м и 97-м. Тогда мне было тридцать три, и я начинал смутно подозревать, что так называемая «первая молодость» (оцените благодушный тон этого выражения) сделала мне, что называется, ручкой. К этому времени у меня за плечами были уже целых три романа для детей, так что едва только мне стала ясна композиция моей новой истории, как я твердо решил, что это будет мой последний опыт в детской литературе. По

мере того, как дело продвигалось, роман становился все более проникнутым этим прощальным настроением, и к концу работы я понял, что внутри меня было что-то такое... сам не могу сказать что, но очень ценное, и это сокровище я терял, терял и вот навсегда утратил, и теперь всегда буду об этой потере сожалеть.

Из всех моих романов «Марина» — самый неуловимый, самый трудный для определения; наверное, и самый личный. По иронии судьбы, именно его публикация стоила мне немалой нервозности. Целое десятилетие книга страдала от ужасных изданий, порой откровенно контрафактных. Текст в них выдавался за то, чем совсем не являлся, сбивая с толку читателя, а я почти ничего не мог с этим сделать. Но даже при таких обстоятельствах «Марина» находила и находит себе читателей всех возрастов и положений, читателей, обретающих на ее страницах что-то себе необходимое, читателей, искренне желающих разделить с рассказчиком этой истории, Оскаром, самые глубокие откровения его души.

И вот «Марина» у себя дома, и читатель может вместе с нею слушать Оскара — слушать его в первый раз так, как того хотел автор. Может быть, теперь-то, с их помощью, автор наконец поймет, почему этот роман так же жив в его памяти, как в день, когда был закончен, и сможет, как сказала бы Марина, вспомнить то, чего никогда не было.

Барселона, июнь 2008-го
К.Р.С.

Марина сказала мне однажды, что мы помним только то, чего никогда не было. Прошла целая вечность, прежде чем я понял эти слова. Однако надо, пожалуй, начать с начала, которое в данном случае и есть конец.

В мае 1980-го я на неделю исчез. Семь дней и семь ночей никто на свете не знал, где я нахожусь. Беглеца искали друзья, знакомые, учителя и даже полиция; предполагали, что если я и жив, то потерял память и сгинул в опасных кварталах города.

Через неделю один из вокзальных дежурных опознал объявленного в поиск юношу — подошел под описание. Заподозренный субъект маялся среди чугунных кружев и сумрака Французского вокзала Барселоны, как грешная душа в чистилище. Дежурный подошел ко мне со зловещим видом персонажа из фильма ужасов. Потом спросил, не я ли тот Оскар Драй, который бесследно исчез из школы, где учился и жил в интернате. Я молча кивнул. Хорошо помню, как в этот момент в его очках отразился арочный свод знаменитой вокзальной крыши. На перроне мы сели на скамью. Он невозмутимо достал сигарету, раскурил и оставил дымиться в руке, не поднося ко рту.

Объяснил, что сейчас множество людей только и ждет, чтоб задать мне кучу вопросов, и хорошо бы на эти вопросы подготовить правильные ответы. Я снова молча кивнул. Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Знаешь, Оскар, порой говорить правду — далеко не лучший выход». Затем, сунув мне пригоршню монет, велел пойти позвонить в школу, моему наставнику. Я позвонил. Дежурный ждал, пока я закончу разговор. Потом дал еще денег — на такси и пожелал удачи. Я спросил его, откуда он знает, что я не сбегу снова. Он долго, пытливо на меня смотрел, наконец сказал: «Бегут только те, кому есть куда бежать». Мы простились на проспекте, куда вместе вышли из здания вокзала, и вопрос о том, где же я был, так и не был задан. Он ушел по проспекту Колумба, а я смотрел ему вслед. Дым от сигареты, которую он, держа на отлете, так и не выкурил, следовал за ним, как верный пес.

В тот день кто-то — наверное, призрак Гауди — изваял в высоте над городом причудливые облачные башни, а небо просто ослепляло синевой. Я взял такси и поехал в школу, готовый к любой судьбе, включая расстрел перед строем.

Четыре недели кряду после этого учителя и психологи атаковали меня вопросами, требуя, чтоб я поведал им свои тайны. Я всем врал, рассказывая каждому именно то, что он хотел услышать и во что был способен поверить. Со временем все просто приняли положение вещей, дружно сделав вид, что

неприятного эпизода просто не было. Я последовал их примеру. Мне никому не пришлось говорить правду о том, что случилось.

Тогда я еще не знал, что океан времен всегда возвращает нам воспоминания, которые мы хотим утопить в нем. Воспоминания о том дне вернулись ко мне через пятнадцать лет. Я снова увидел паренька, который потерянно бродил в сумраке Французского вокзала, и снова вспыхнуло, полоснув меня по сердцу, имя Марины.

У каждого из нас есть секрет, тщательно запертый на все замки в самом темном углу на чердаке души. Я открою вам свой.

1

В конце семидесятых Барселона была городом-миражом, сплетенным в странное кружево проспектов и переулков; в нем любая подворотня или интерьер заурядного кафе могли перенести вас на полвека назад. Время, память, подлинность истории, причудливость легенд плавались в его волшебном пространстве, сливаясь, как акварельные краски или как дождевики в дожде. Вот там-то и случилось все это — там, где от исчезнувших улиц осталось лишь эхо, где соборы и дома были словно из книжки сказок с картинками.

Мне было пятнадцать; я изнывал, заключенный в одно почтенное учебное заведение с именем святого в названии и с интернатом для воспитанников. Помещалось оно в самом конце проспекта Вальвидрера. В то время район Сарья, прилепившийся к окраине современной Барселоны, еще сохранял свой деревенский вид. Моя школа возвышалась над улочкой, круто поднимавшейся от Пасео-де-ла-Бонанова. Школьный фасад был монументальным до того, что заставлял зрителя

думать скорее о замке, чем о школе. Здание было цвета глины, и его угловатый силуэт при ближайшем рассмотрении оказывался настоящей головоломкой, составленной из острых башенок, готических арок и темных углов.

Школьная территория была настоящей крепостью — с прочными стенами, таинственными сосновыми рощами, прудами, заросшими тиной, садами, фонтанами и неожиданно возникающими на пути внутренними двориками. Вокруг центрального здания тянулись мрачного вида каналы — над ними призрачно качались струи пара. Спортзалы, казалось, хранили некую тягостную тайну. В темноте часовен тепло сияли свечи, и улыбались изображения святых. Школа была четырехэтажной, не считая подвалов и чердачного помещения, где до сих пор жили те немногие священнослужители, что предпочли преподавание. Комнаты воспитанников были на четвертом этаже; они выходили в гулкий высокий коридор. Все эти бесконечные переходы были всегда погружены в сумрак, всегда отзывались призрачным эхом на каждое движение.

Я проводил свою жизнь в грезах наяву, ожидая ежедневного чуда, всегда приходящего ко мне в пять часов двадцать минут пополудни. В это магическое мгновение солнце наконец пробивалось в высокие окна школы — и одновременно звенел звонок, отпуская нас с уроков, даря нам до ужина в большой столовой целых три часа свобо-

ды. Считалось, что эти часы мы посвящаем занятиям и благочестивым размышлениям. Не помню ни единого случая за все время жизни в интернате, чтобы мне пришло в голову делать что-либо столь похвальное.

Это было мое любимое время дня. Наплевав на требование докладывать о выходе с территории школы, я втихаря удираю в город. Я приучился точно рассчитывать время своих тайных отлучек, возвращаясь по старинным улочкам в сгущающейся темноте точно к ужину. Эти долгие одинокие прогулки давали мне пьянящее чувство свободы. Воображение легко парило среди зданий и уносилось в небо. В эти часы не было улиц Барселоны, моей темной комнаты и школьных правил. В эти часы я, со своими двумя мелкими монетками в кармане, был счастливейшим человеком во вселенной.

Иногда меня заносило на задворки района Сарья, где на ничейной земле сохранилось подобие роши. Старинные поместья барселонской знати, в свое время любившей селиться в районе к северу от Пасео-де-ла-Бонановы, были хоть и заброшены, но все еще гордо вздымались ввысь. Улочки вокруг моей школы были своего рода миражом, городом-призраком, в котором стены, увитые плющом, ограждали проход в одичавшие сады, в глубине которых таились старинные особняки. В монументальных резиденциях знати теперь поселились бурьян и одиночество, и только остат-

ки памяти о былом все еще витали в воздухе, как ключья застоявшегося на холоде тумана. Часть их покорно ожидала сноса, почти все пережили за эти годы множество ограблений, но некоторые все еще были обитаемы.

Там оставались забытые люди — немногочисленные потомки угасающих древних родов. Люди, чьи имена были на первых полосах газет во времена, когда трамвай еще поражал воображение как дерзкая новинка технической мысли. Заложники мертвого прошлого, отказавшиеся покинуть терпящий бедствие корабль. Они словно боялись выйти за стены своих обветшалых особняков, чтобы дуновение времени не развеяло их, как прах. Узники своих темниц, они жгли там свечи в канделябрах. Иногда, быстро проходя мимо их заржавленных калиток и облезлых ставень, я замечал за ними чей-нибудь неприязненный взгляд.

Кончался сентябрь 1979 года. Однажды вечером во время своей обычной прогулки я решился углубиться в квартал по улочке, которую раньше никогда не замечал, — на ней рядком стояли особняки эпохи раннего модерна. Улица изгибалась, упираясь в калитку сада со всеми признаками заброшенности, обычной для этих мест. Среди деревьев угадывался двухэтажный особняк. Перед его мрачным фасадом стоял фонтан со скульптурными фигурами, по замыслу автора обнаженными, но впоследствии одетыми в мох милосердным временем. Темнело, и мне этот забытый богом и людь-

ми угол показался неприветливым, чтоб не сказать зловещим. Царила полная тишина — только ветер шелестел листьями, точно предупреждая меня о чем-то. Я забрел в необитаемую часть квартала. Подумалось, что самое лучшее сейчас — податься назад в свой интернат. Я стоял в нерешительности, раздираемый здравым смыслом и жутковатым очарованием покинутого всеми сада, когда вдруг увидел два ярких желтых глаза. Взгляд их упирался мне в лицо с неумолимостью кинжального удара. Я сглотнул.

Наконец мне удалось разглядеть силуэт большого кота с бархатистой серой шерстью и бубенчиком на шее — он сидел у кованой ограды старого особняка. В пасти хищника бился, агонизируя, воробей. Несколько секунд представитель кошачьих холодно изучал меня, затем, смерив взглядом, бесшумно скользнул между прутьями решетки и исчез во тьме этого обреченного Эдема. В его пасти ушел в последний свой путь и воробей.

Вид этого надменного, дерзкого животного меня просто покорило. Судя по бубенчику и ухоженной шерстке, у него был хозяин. Стало быть, под сводами старого дома обитали не только призраки старой аристократической Барселоны. Я подошел ко входу и взялся руками за прутья решетки. Металл обжег холодом. Последний вечерний свет вспыхнул в каплях воробьиной крови, цепочкой уходивших в глубь зарослей сада, густых, как лес. Вот они, драгоценные рубины, указывающие

правильный путь в лабиринте... Я сглотнул слюну еще раз. Точнее, я только хотел это сделать, но не смог — во рту пересохло. Сердце бешено билось, кровь шумела в висках, словно они знали что-то, чего не знал я сам. Вот в тот-то момент я и почувствовал, что калитка подается под моей тяжестью, потому что не заперта.

Я нерешительно пробирался в глубь сада, а луна освещала бледные лица ангелов — изваяний фонтана. Они наблюдали за мной. Скованно передвигая ноги, я боялся, что эти фигуры сейчас превратятся в демонов с волчьими пастями, со змеиными языками... они набросятся на меня, сорвавшись с пьедестала... Ничего подобного не случилось. Я несколько раз глубоко вздохнул, пытаюсь унять разыгравшееся воображение — а еще лучше заставить себя отказаться от дурацкой попытки исследовать чужие земельные владения. И снова воля не подчинилась мне: в тенистой глубине сада вдруг разлились, подобно аромату духов, небесные звуки. Я вслушивался в едва различимую мелодию арии под аккомпанемент фортепиано. Никогда в жизни я не слышал голоса прекраснее.

Мелодия казалась знакомой, но я так и не вспомнил, что это было. Музыка доносилась из дома. Я брел туда, как загипнотизированный. Из полуоткрытой двери застекленной веранды на землю падал туманный конус света. Знакомые желтые кошачьи глаза следили за мной с подоконника на первом этаже. Меня неудержимо тянуло все